

Симона Вилар
Замок на скале

СИМОНА ВИЛАР

Замок на скале

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4 УКР-РОС
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Сычак*

ISBN 978-966-14-1669-6 (PDF)

- © Гавриленко Н., 2005
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2006

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ

Из тумана, окутавшего поле битвы при Барнете, воссияло солнце дома Йорков¹. Эдуард IV Йорк наголову разбил своего злейшего врага, графа Уорвика, наконец-то избавившись от того мучительного напряжения, какое овладевало им при одном упоминании имени этого властного и честолюбивого вельможи, которого в Англии прозвали Делателем Королей и которому Эдуард был обязан тем, что десять лет назад взошел на трон.

И вот Эдуард мог теперь сказать, что восшествием на престол он ныне обязан только своему мечу. Он поднимал чаши на пирах и веселился, но его ненависть еще не насытилась, и он не отдал, как ранее, приказа — щадить простых солдат, казня лишь рыцарей противника. В тот день земля Барнета насквозь пропиталась кровью. Избиение было жестоким, ибо Эдуард Йорк не мог забыть простому народу любви и преданности, которые тот выказывал Уорвику.

Однако не успел король насладиться заслуженным торжеством, как прибыли гонцы с сообщением, что союзница Уорвика, королева Алой Розы, воинственная Маргарита Анжуйская, вместе с сыном,

---

¹ В гербе Йорков было изображено восходящее солнце.

наследным принцем Эдуардом, высадилась на юге Англии, чтобы продолжить борьбу за дело Ланкастеров — партии, оспаривающей у Йорков право на престол.

Королю Эдуарду вновь предстояло сражение. Но была ли тому причиной победа над Делателем Королей или с возрастом он тверже уверовал в свои силы, однако король оставался спокоен и собран, и его твердость и отвага передавались сподвижникам.

Спешным маршем Эдуард двинулся из Лондона на запад. Еще раньше туда же поскакал его младший брат Ричард Глостер и, засевав в своем городе Глостере, не впустил в него войско королевы, тем самым преградив ей путь. Войска ланкастерцев неожиданно оказались связаны по рукам и ногам. Дороги были трудными, продовольствия в обрез, перед ними находился хорошо укрепленный город с сильным гарнизоном, а гонцы уже приносили вести о приближении армии Эдуарда Йорка.

Маргарита без промедления отвела уставшую армию к северу. Это была королева-воительница, которая провела более полутора десятилетий в седле, сражаясь с приверженцами Белой Розы. Ей было уже за сорок, но она упрямо скакала в покрытой пылью одежде впереди войска, подбодряя своим примером измученных ратников. Рядом с ней ехал красивый светловолосый юноша — Эдуард Уэльский. В отличие от гордо восседающей в седле королевы он казался подавленным. И как могло быть иначе, если гонцы, сообщившие о разгроме войск его тестя под Барнетом, принесли также и горькую весть о трагической кончине его юной супруги — дочери Уорвика Анны Невиль.

Эдуард был сокрушен. Он так спешил к ней, так надеялся, что, когда они вновь увидятся под небом старой Англии, все изменится и Анна станет ему покорной и доброй супругой! Она сама писала ему, как тоскует и ждет... И вот — конец. Принцу Уэльскому сказали, что ее тело обнаружили в каком-то болоте. Поговаривали также, что принцесса сама бросилась в омут от отчаяния, а это страшный грех...

— Поднимите голову, сын мой! — окликнула его королева. — Ваши воины глядят на вас, и вы должны быть твердым как камень, даже если вы и в трауре.

Они приближались к Тьюксбери, когда их настигли передовые отряды Эдуарда Йорка.

Битва произошла на открытой равнине у ручья. Ланкастерцы были повержены, войско их смешалось в беспорядке, и многие кинулись бежать. Йоркисты настигали их и резали как скот, ибо Эдуард IV, как и при Барнете, не велел щадить ни рыцарей, ни солдат, ни обозных мужиков. С тех пор за этим местом закрепилось название Кровавый Лут.

После битвы король Эдуард в окружении братьев и военачальников пировал в шатре, когда его люди ввели связанного и окровавленного принца Эдуарда Уэльского.

— Что привело тебя, мальчишка, французский прихвостень, в Англию? — спросил у юноши король Эдуард.

Принц Уэльский гордо повел плечами.

— Я прибыл на эту землю, чтобы вернуть корону своему отцу, законному властителю Генриху VI, — корону, унаследованную им от отца и деда, королей Англии.

Он держался настолько надменно и невозмутимо, что изрядно охмелевших победителей охватила слепая ярость. Толковать было больше не о чем, и несчастного принца буквально искромсали ножами и кинжалами. Когда его окровавленные останки вышвырнули из шатра, то стоявшего у входа стражника едва не вывернуло наизнанку.

На другой день стало известно, что часть ланкастерцев укрылась в аббатстве в городке Тьюксбери, и король отправил младшего брата, Ричарда Глостера, покончить с беглецами. Когда этот горбатый, но воинственный юноша подъехал к обители, сам настоятель вышел к нему навстречу, умоляя пощадить несчастных. Но Глостер после вчерашней пирушки чувствовал себя неважно и поэтому, не став слушать старика, заявил, что у аббатства нет прав убежища и он, как констебль Англии, требует выдачи беглецов. Утром следующего дня всех ланкастерцев казнили на рыночной площади в Тьюксбери.

А через несколько дней в одном из уединенных монастырей была схвачена и скрывавшаяся там королева Маргарита. С ней не церемонились, и довольные собой йоркисты тут же выложили королеве страшную весть о гибели принца Эдуарда.

С этой минуты Маргарита Анжуйская перестала отвечать на вопросы и больше не проронила ни звука. Солдаты грубо поса-

дили королеву по-мужски на старую клячу, связав ей ноги под брюхом животного, и в таком виде как военный трофей доставили в Тьюксбери. У ворот города навстречу ей выехали все три брата Йорка — Эдуард, Джордж и Ричард. В пышных облачениях, на великолепных конях под богатыми попонами, они, хохоча, смотрели на эту втоптанную ими в грязь женщину.

В этот миг Маргарита Анжуйская подняла голову и, протянув к ним связанные в запястьях руки, прокляла торжествующих Йорков:

— Да следуют за вами дурные предзнаменования! Да поразят вас болезни, горе и тоска! Живите среди лжи и предательств, и пусть вас обманут те, кому вы доверитесь! Дай вам Бог испытать раскаяние, когда будет поздно каяться, и пусть ваше потомство стинет до срока! Будьте долговечней своей удачи и своих близких, познайте ужас и отчаяние, и да постигнет вас злая смерть!

Ее слова прервал смех Эдуарда. Он раскатисто хохотал, обнажая ряд ровных красивых зубов.

— Что ж, змея, теперь, когда у тебя вырвали жало, попробуй ужалить, если сможешь!

И, дав шпоры коню, он пронесся мимо, обдав плененную королеву пылью и комьями земли.

Однако оставался еще один человек, о котором Эдуард должен был подумать и решить его судьбу. Это был плененный король Алой Розы, муж Маргариты, Генрих VI Ланкастер. Сей монарх — последняя надежда приверженцев прежней династии, и, пока он жив, йоркисты не могли праздновать окончательную победу. К тому же волнения, поднимавшиеся в Англии в защиту взятого в плен «святого» Генриха, не могли не тревожить Эдуарда IV и его сторонников. И пусть несчастный монарх почти безумен, но если его освободить из темницы, еще не ясно, на чьей стороне окажется народ и не соберутся ли опять опальные ланкастерцы вокруг короля Ланкастера.

Эдуард вернулся в Лондон, но покоя в его душе больше не было. Он понял: пока жив Генрих VI, он не может позволить себе благодущия. Ведь существовала и мятежная провинция Кент, на свободе оставались графы Оксфорд и Пемброк, поспешившие под защиту французского короля Людовика, и дальний родственник Ланкастеров, юный Генрих Тюдор. Эти ре-

шительные эмигранты представляли серьезную опасность для власти Йорка, и Эдуард, уже однажды потерявший из-за своей беспечности корону, не хотел повторять старых ошибок.

Стояла глухая ночь. Бодрствуя, король задумчиво расхаживал по огромному залу древнего Вестминстера. Его шаги гулко отдавались в пустоте. От резных деревянных перекрытий под сводчатым потолком слабо доносился запах свежего лака. В дальних концах зала горело по факелу, посередине же царил полный мрак.

Слабо скрипнула дверь. Эдуард от неожиданности вздрогнул, но тотчас перевел дух, увидев на стене горбатую тень Ричарда Глостера.

— Это ты, Дик?²

Между королем и его младшим братом в последнее время было полное доверие. Что греха таить, бывали времена, когда между братьями пробегала черная кошка. Случалось и так, что король отправлял Ричарда в ссылку в его владения в Глостере. Но после того как Дик отважно бился за старшего брата под Барнетом и именно его стремительная атака и удачная сшибка решили исход битвы под Тьюксбери... Нет, после всего этого Эдуард не мог не приблизить к себе Ричарда и не осыпать его милостями. Он доверился ему абсолютно, и это, очевидно, начинало злить среднего из Йорков — Джорджа Кларенса.

— Чего тебе, Дик? — спросил король, когда Глостер подошел ближе.

У младшего Йорка одно плечо было значительно выше другого, он горбился и при ходьбе заметно приволакивал ногу. Ричард был калекой от рождения, но при этом во всех его движениях чувствовались неожиданная сила, пластичность и ловкость.

— Я знаю, что тебя тревожит, Нэд³, — мягко проговорил Ричард Глостер. — И считаю, что ты прав. Ты не сможешь успокоиться, покуда жив этот полоумный Генрих Ланкастер. Тебе следует уничтожить его!

Эдуард вздрогнул, странно взглянув на брата. Он был почти на голову выше, и насколько Ричард был согбен, настоль-

² Дик — уменьшительное от Ричард.

³ Нэд — уменьшительное от Эдуард.

ко статен и хорош собой был Эдуард. «Шесть футов мужской красоты», — говорили о нем в народе, и величественный король, с вьющимися светло-каштановыми волосами, смелым взглядом лучистых серых глаз и правильными чертами, и впрямь оправдывал это прозвище. Правда, в последнее время он несколько располнел и лицо его приобрело некоторую одутловатость. Тем не менее король был еще очень привлекателен!

Сейчас Эдуард в упор глядел на низко склонившегося младшего брата. Черные длинные волосы Ричарда падали на более низкое плечо, в черных глазах таился вызов, никак не вязавшийся с угодливо согнувшейся сутулой фигурой.

— Ты всегда предлагаешь такие вещи, на которые нелегко решиться, Дик, — медленно проговорил Эдуард.

— Почему же нелегко? Ты король, ты можешь позволить себе все что угодно.

— Но и Генрих Ланкастер король. Он помазанник Божий, и поднять руку на него значит совершить великий грех. Вспомни, даже Давид не стал поднимать руку на царя Саула, когда тот оказался в его власти. Я же и так уже пролил немало крови.

— И прольешь еще больше, если из-за пленного Ланкастера разразится новая война Роз! — почти выкрикнул Ричард Глостер, так что звук его голоса гулко разлетелся под сводами старого холла Вестминстера.

Эдуард даже вздрогнул, но Ричард едва ли не улыбался.

— Не забывай, Нэд, что ты стоишь над людьми, ты отвечаешь за мир и процветание в стране, а это для монарха куда важнее, нежели мысли о собственной душе и грехе цареубийства. Ах, помазанник Божий Генрих!.. — почти издеваясь, манерно заломил руки горбатый принц. — Ах, святой Генрих! Он молится в подземелье Тауэра, а его приверженцы куют оружие за морем. Будь же решительнее, мой король. И вспомни, что никто не восстал против деда нынешнего Ланкастера, когда тот уморил голодом в темнице Понтефракта последнего Плантагенета⁴.

---

⁴ Генрих IV Ланкастер (1374—1399) сверг с престола своего предшественника из династии Плантагенетов, Ричарда II (1377—1399), и заморил голодом в темнице.

Род, начавший свое царствование с преступления, должен этим же и окончиться. А безумному Генриху у Господа будет спокойнее, нежели в подземелье Тауэра, где он даже не соображает, что его сын убит, жена исходит злобой, а дело его рода проиграно.

Приводя свои доводы, Ричард понимал, что брат легче решится на это, если кто-то разделит с ним ответственность, и он готов был это сделать, но отнюдь не из любви к Эдуарду, а чтобы укрепить на троне корни дома Йорков. К тому же, если их свяжет общая тайна, он, Ричард, сможет влиять на венценосного старшего брата, играя на его нечистой совести.

Позже, когда ночь уже клонилась к рассвету, герцог Глостер выехал из Вестминстера и в сопровождении только своего поверенного, сэра Джеймса Тирелла, направился в сторону Тауэра. В руках у него был королевский мандат...

На другой день в Лондоне прошел слух, что Генрих Ланкастер неожиданно скончался в Тауэре. Официально было объявлено, что несчастный король умер от меланхолии, но по городу пошли разговоры, будто Генриха нашли утром в часовне перед распятием с разможенной головой.

Король Эдуард выглядел взвинченным и озабоченным и предпочитал проводить время в покоях королевы Элизабет: ее ровный нрав и ласки действовали на него умиротворяюще. Ричард же, наоборот, все время находился на людях, был весел, однако лицемерно вздыхал и крестился всякий раз, когда при нем поминали несчастного Генриха. Именно он распорядился выставить тело покойного короля в соборе святого Павла для всеобщего обозрения. Ланкастерцы должны были раз и навсегда убедиться, что им не за кого больше сражаться.

И это возымело действие. Смуты в графствах прекратились. Даже король Людовик XI наконец склонился к союзу с Эдуардом IV, прислав своих послов, которые заявили, что французский монарх готов на известных условиях выдать английскому венценосцу беглого графа Пемброка и юного Генри Тюдора. Эдуард призвал для совета брата, но Ричард, как оказалось, считал, что не стоит утруждать себя по столь ничтожному поводу, как Тюдоры.

Эдуард, однако, придерживался иного мнения.

— Нельзя забывать, Дик, что мальчишка Генри Тюдор — потомок Ланкастеров. По женской линии его род восходит к Джону Гонту⁵, а отец Генри был сводным братом Генриха VI.

Но Ричард лишь отпускал скабрёзные остроты насчет того, что обе ветви имеют начало, не освященное Церковью, поэтому не стоит принимать этого мальчишку за подлинного Ланкастера. К тому же шпионы донесли Ричарду, что оба Тюдора — и дядя, и племянник — находятся вовсе не у короля Людовика, а у герцога Бретонского Франциска, и тот по праву считает их своей военной добычей, отнюдь не собираясь возвращать Франции.

Речи младшего брата успокаивали сердце короля.

Средний из братьев, Джордж Кларенс, получивший благодаря своей жене Изабелле Невиль почти все наследство покойного Уорвика, стал ныне едва ли не самым богатым человеком в Англии. Он впал в непомерную гордыню, одевался в немислимо пышные одежды, устраивал грандиозные, невиданные по роскоши пиры. При короле он держал себя дерзко и даже стал поговаривать, что, если бы не любовь к брату, он не предал бы Алюю Розу и своего тестя Уорвика, и тогда Эдуард навряд ли получил трон.

Король хмуро поглядывал на него в такие минуты, но Кларенс, опьяненный сознанием своего величия, не придавал значения этим взглядам. И лишь заметив, что поток почестей, титулов и пожалований пролился на Ричарда, а вовсе не на него, невольно опешил.

— Милорд, брат мой! — восклицал он, обращаясь к королю. — Вы сделали калеку Глостера констеблем, главным судьей и стюардом герцогства Ланкастерского, да еще и наградили титулом вице-короля Уэльса. Перечень ваших милостей, обрушившихся на калеку Дика, не имеет границ, в то время как я, столько раз рисковавший жизнью ради вас, выступив

---

⁵ Джон Гонт — третий сын Эдуарда III. Его дети от Екатерины Суинфорд специальным парламентским актом были признаны законными. Родство Тюдоров с королевским домом было и через вдову Генриха V Екатерину Французскую, которая тайно обвенчалась с уэльским дворянином Оуэном Тюдором. Многие, однако, подвергали это венчание сомнению и считали ее детей бастардами.

против Уорвика, не удостоился ни одной мало-мальски пристойной награды!

Однако король лишь посмеивался, возражая, что Джорджу грешно жаловаться на судьбу, после того как он стал наследником Делателя Королей и самым богатым человеком в Англии.

— Милорд, это досталось мне лишь благодаря моему браку, от вас же я не получил ни единой привилегии. И это тогда, когда Дик... Я не говорю уже об этих выскочках Вудвилах, родственниках королевы, которые буквально заволокли двор. Вся Англия возмущена тем, как вы обращаетесь с наследием древнейших родов, раздаривая его направо и налево наглым и низкородным родичам королевы.

— Довольно, Джордж! — прерывал брата Эдуард. — Я по горло сыт вашей жадностью и малодушием, как и вашими постоянными намеками на то, что именно вам я обязан короной. Не забывайте, что то же самое любил повторять и ваш тесть, граф Уорвик, упокой, Господи, его грешную душу. И чем это кончилось?

Джордж, насупившись, глядел на короля.

— Не упускайте из виду, Нэд, что парламентский акт семидесятого года провозгласил меня наследником престола после Ланкастеров! И разве сейчас, когда не осталось прямых потомков этого рода, я не являюсь претендентом на трон?

Эдуард какое-то время в упор смотрел на брата, потом медленно постучал себя пальцем по лбу и угрожающе усмехнулся.

— Говорят, тебя не так давно укусила за нос собачка. Порой мне кажется, что после этого ты несколько повредился рассудком. Бедный мой Джордж! Хотел бы я знать, как ты будешь выглядеть в глазах пэров в Совете, когда внезапно объявишь, что и ты тоже Ланкастер.

Джордж удалился в бешенстве. Действительно, на носу у него оставался заметный шрам от укуса, который приходилось запудривать. В остальном же он был по-прежнему хорош собой, статен и не лишен обаяния. И когда он разглядывал себя в зеркале, ему не раз приходило на ум, что со своей подлинно королевской осанкой он выглядел бы на троне нисколько не хуже Эдуарда. И какая разница, чью корону наследовать — Ланкастеров или Йорков? Ведь при дворе еще не забыли, как мать Эдуарда, герцогиня Йоркская, во всеуслышание объявила, что

родила первенца не от мужа, а от стрелка Блейборна, а значит, первым из Йорков является именно он — Джордж Кларенс. Что же касается достославного парламентского акта, то его никто не отменял, а если так, то разве не он по-прежнему законный наследник престола? Поистине не раз приходилось Джорджу пожалеть о том, что он так поспешно перешел на сторону Эдуарда под Барнетом.

Сомнения и колебания этого брата короля привели к тому, что в 1473 году он с готовностью поддержал ланкастерского графа Оксфорда, который обрушился на южное побережье Англии со снаряженной во Франции флотилией. Связным между ними служил брат погибшего Делателя Королей епископ Джордж Невиль. Когда же Оксфорд высадился в Корнуолле и попытался поднять мятеж, Кларенс, находясь в центральных графствах страны, открыто заявил о своих правах на корону.

Кончилась эта авантюра плачевно. Оксфорд был схвачен и заточен в Кале в крепости Хэмс, туда же заключили и епископа Йоркского. Теперь последнему из Невилей припомнили и родство с Уорвиком, и то, как некогда он помог уйти из-под опеки Йорков своей племяннице Анне Невиль, и то, что он взял под свое покровительство семьи многих ланкастерцев. Епископа содержали в суровом заключении до 1476 года. Однако и выпустив престарелого прелата из темницы, король обобрал его до нитки. Лишь из милости Джорджа Невилля приютили в одном из монастырей его бывлой епархии, где он вскоре и скончался.

Что же касается Джорджа Кларенса, то, казалось, ему снова все сошло с рук. Король ограничился сдержанным выговором и на некоторое время удалил герцога от двора, запретив являться, пока сам король не изволит его призвать. Многие тогда решили, что Эдуард слишком мягко обошелся с мятежным братом. Но были и такие, кто утверждал: главным наказанием для Кларенса станет возвышение третьего Йорка, Ричарда, которого король как раз тогда назначил наместником Севера Англии.

И довольный Ричард не преминул поставить Кларенса в известность о своем новом назначении. Направляясь на Север, он специально навестил Джорджа в замке Кенилуорт, где опальный герцог проводил время, тоскуя и исходя желчью.

И как же доволен был горбатый Йорк, наблюдая, как бесится Джордж, мечась в своем древнем неудобном Кенилуорте.

— Все снова достается тебе! — возмутился Джордж, пока Ричард с аппетитом вкушал яства, которыми его угостили в Кенилуорте. — Почести, награды, власть — все само находит нашего Дика. То ты вице-король Уэльса, то великий чемберлен, а теперь вдобавок еще и наместник всего Севера! Эдуард сошел с ума, вручив тебе столько власти. Я ведь знаю, чего ты добиваешься, Дик! Ясное дело, вы с Эдуардом считаете, будто я круглый дурак, однако это не мешает мне видеть, что ты хитер как лис, а честолюбие твое не имеет пределов. Нечего сказать, тонкая тактика, милорд Глостер! Но твои уловки, Дик, не обманут меня, как обманули беднягу Эдуарда! Ты спишь и видишь себя на троне...

— Не более чем ты, — спокойно парировал Глостер, подхватывая ножом ломоть паштета.

Джордж вдруг криво улыбнулся.

— Возможно, мне и не удастся вышибить из-под Эдуарда трон, пока он популярен. Однако я знаю нечто, что проложит мне гладкую дорогу к короне, оступись Эдуард хоть на миг. И тогда королева Элизабет и все эти худородные Вудвили засуетятся, как растревоженное тараканье гнездо.

Продолжая ухмыляться, он отошел. Ричард внимательно глядел ему в спину. Он давно догадался, что короля и Кларенса связывает некая тайна. Эдуард неспроста так мягок и уступчив, и дело тут вовсе не в родственных чувствах. Да, кудрявый красавчик Кларенс безусловно знает что-то, с помощью чего может влиять на короля. Что бы это могло быть, если он ни разу не проговорился, несмотря на свою болтливость?

Когда на следующий день Ричард покидал Кенилуорт, из отдаленной замковой башни Сентлоу спустилась супруга Кларенса, леди Изабелла Невиль. Выглядела она усталой и раздраженной и, когда Кларенс о чем-то спросил ее, ответила сухо и неприветливо. Глостер тотчас понял, что супруги не ладят, особенно когда Джордж ни с того ни с сего, несмотря на пронизывающий ветер, прыгнул в седло, крикнув, что проводит брата.

— Что случилось с самой любящей парой в Англии? — смеясь, спросил Ричард, но Джордж лишь отмахнулся.